

УДК 94 (476)

**К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ
В БЕЛАРУСИ ВЕСНОЙ-ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА**

Шардыко Игорь Владимирович
директор ИПКиП учреждения образования
«Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»;
кандидат исторических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)
shardyko@msu.by

В данной статье анализируется рост крестьянских выступлений в белорусских губерниях весной – осенью 1917 г. Рассматриваются попытки различных политических сил сохранить крестьянские движения в рамках законности и конституционных норм. Делается обоснованный вывод о том, что крестьяне Беларуси, поддерживая в целом эсеро-меньшевистские лозунги, к осени 1917 года стали активнее прибегать к захватническим формам борьбы. Политическая конъюнктура постепенно складывалась в пользу большевиков.

В отечественной историографии долгое время господствовало мнение о том, что в марте–июне 1917 года «идеи и лозунги РСДРП(б) получили широкое распространение в белорусской деревне, большинство крестьян шло за большевиками». Однако документальные материалы, в том числе архивные источники, свидетельствуют о другом: в рассматриваемый период времени подавляющее большинство крестьянства в политическом отношении продолжало следовать за эсерами. Оно еще не избавилось от конституционных иллюзий и продолжало в значительной своей массе надеяться, что Учредительное собрание законным путем решит аграрный вопрос.

В предыдущих наших публикациях, мы пришли к выводу, что, поддержка крестьянскими съездами и Советами различных уровней коалиционного Временного правительства также свидетельствовала, что белорусское крестьянство по-прежнему доверяет эсерам. В марте–апреле 1917 года крестьянство относительно мирно ожидало от правительства удовлетворения своих вековых чаяний о земле: в марте было отмечено 5, в апреле 15 антипомещичьих выступлений [1, с. 364–367]. Аграрное движение в Беларуси, хотя в отдельных местах и приобретало обостренный характер, контролировалось еще эсерами.

Однако нетерпимость крестьян постепенно нарастала. Резкий подъем крестьянского движения наметился уже в мае. В течение месяца в Беларуси произошло более 35 случаев самовольных действий крестьян против помещиков. Движение охватило свыше 20 помещичьих имений, 13 белорусских уездов [1, с. 368–369]. По сообщению газеты «День», в Гомельском уезде крестьяне захватили пастбища для скота. Из Могилевского уезда сообщалось о разделе лугов местного помещика 50 крестьянами деревни Шабаны [2, л. 1–2]. Такие же сообщения поступали из Минского, Оршанского, Лепельского, Рогачевского и других уездов Беларуси.

Вхождение социалистов в состав коалиционного правительства не привело к заметным изменениям в правительственной политике. В сельской местности правительство также не нашло эффективных мер для успокоения крестьян. Предупредив крестьян о недопустимости незаконных захватов земли, правительство постановило создать губернские, уездные и волостные комитеты по снабжению и аграрные комитеты. На них были возложены функции распределения зерна и переписи земель в преддверии аграрной реформы, условия которой должно было определить Учредительное собрание. Вместо этих комитетов, единственная цель которых, казалось, состояла в лишении крестьян права получить наконец землю в собственность, крестьяне стали создавать на общинных началах собственные комитеты, структура и характер деятельности которых, как правило,

не соответствовали функциональным инструкциям правительства. Такие комитеты повсеместно стали возникать и в Беларуси. Эти комитеты присваивали необрабатываемые земли, захватывали сельскохозяйственный инвентарь и скот, принадлежащие помещикам, пересматривали, в сторону снижения платы, договора об аренде, устанавливали порядок использования выпасов.

К лету 1917 г. обстановка в белорусской деревне еще больше обострилась. Так например, 19 июня 1917 г. на имя министра земледелия Чернова поступила телеграмма из исполкома Рогачевского Совета солдатских и рабочих депутатов. В ней сообщалось, что «в уезде развивается анархия, крестьяне под влиянием речей приехавших из Петрограда депутатов Всероссийского крестьянского съезда, рубят частновладельческие леса и делят луга и сенокосы. Крестьянские делегаты, агитируя за немедленный захват частновладельческих земель, ссылаются на личные беседы с министром земледелия...». Рогачевский Исполком просил разъяснений, как ему вести себя в этой ситуации. В тот же день был получен ответ из Петрограда, в котором Чернов призвал Исполком «не допустить захвата земли» и еще раз напомнил эсеровскую позицию: «... только Учредительное собрание правомочно разрешить во всей широте аграрный вопрос, согласно интересам всего народа» [3, л. 9–11]. Такого же рода сообщения поступили в Петроград от Верхменского волостного земельного комитета Игуменского уезда [4, л. 4], Климовичского уездного земельного комитета [5, л. 44], Городокского волостного комитета [6, л. 43–44] и других организаций Беларуси.

Эсеровское стремление сохранить крестьянское движение в рамках законности уже не давало желаемых результатов. Поддерживая эсеровские программные лозунги, крестьяне теперь смелее стали прибегать к захватным формам борьбы. По данным Е. П. Лукьянова «в Беларуси в июле 1917 г. имели место 93 случая разгрома и захватов земли, а всего в этот период в белорусских губерниях произошло свыше 150 крестьянских выступлений) идет теперь туго» [7, с. 123]. Политическая конъюнктура постепенно складывалась в пользу большевиков.

Осенью 1917 г. крестьянское движение достигло небывалого размаха. При этом, оно приобрело не только традиционно уравнилельный характер, но и по своей сути было антигородским. Крестьяне, веками испытывавшие недоверие к городу, не хотели признавать аграрные комитеты и комитеты по снабжению, навязанные им правительством и поддерживаемые эсерами. Они больше ориентировались на собственные организации – Советы крестьянских депутатов и продолжали верить, что эсеры, имевшие в них большинство, не пойдут против чаяний крестьян. Но уже в ходе предвы-

борной компании в Учредительное собрание выявились разные подходы левых и правых течений партии в понимании аграрного вопроса и методов его решения. В середине сентября 1917 г. на съезде крестьянских депутатов Гомельского уезда левые эсеры уже в резкой форме подвергли критике «соглашательскую» политику правого крыла. Они говорили, что спасение революции лишь только в передаче власти в руки Советов, что только при этом возможно осуществить аграрные преобразования, отвечающие интересам крестьянства [8, с. 2]. На таких же позициях стояло левое о крыло эсеровской организации Борисовского уезда [9, л. 1, 2]. И хотя в Беларуси почти повсеместно вплоть до победы Октябрьской революции левые и правые эсеры находились в единых партийных организациях, выделение левого крыла являлось важным показателем левения масс, свидетельством зарождения тенденции к ослаблению единства и влияния «самой массовой крестьянской партии».

Бурный рост крестьянского движения осенью 1917 г. подвел своеобразную черту борьбы крестьян за землю. Оценивая мощный размах крестьянских выступлений в этот период времени, лидер большевиков В. И. Ленин писал: «Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения» [10, с. 277].

С особой силой в этот период времени крестьянские выступления проявились и в Беларуси. Крестьяне не довольствовались лишь одним захватом земли. Они грабили и сжигали помещичьи имения, захватывали инвентарь, скот, необходимые для обработки присвоенных участков. В августе таких случаев насчитывалось 38, в сентябре уже – 67 [7, с. 123]. В октябре крестьянское движение с преобладанием крайних форм борьбы охватило практически все уезды белорусских губерний. Крестьянство стихийно осуществляло на практике большевистский лозунг о немедленном захвате помещичьих земель. Большевики сознательно говорили о том, что происходит это под влиянием их партийных аграрных идей. Лозунги большевиков и стремление крестьян к земле все чаще совпадали.

Подъем крестьянского движения свидетельствовал о том, что ни партия эсеров, ни партия меньшевиков не смогли реализовать свои аграрные программы. И хотя их программы имели позитивное содержание по крестьянскому вопросу, однако раздавая свои обещания, эти партии так и не сделали реальных шагов в сторону удовлетворения крестьянских требований. Переложив решение аграрной проблемы на Учредительное собрание, эсеры и меньшевики практически уступили инициативу в реализации этой

важной социально-экономической проблемы большевикам, которые очень оперативно воспользовались этим просчетом своих политических противников.

Список литературы

1. Крестьянское движение в 1917 году. – Москва – Ленинград, 1927. – С. 364–367.
2. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 629. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург). – Ф. 408. Оп. 1. Д. 665. Л. 9–11.
4. Государственный архив Минской области. – Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
5. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 629. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60. Оп. 1. – Д. 191. Л. 43–44.
7. Лукьянов, Е. П. Крестьянское движение в Белоруссии накануне Великой Октябрьской социалистической революции / Е. П. Лукьянов. – Минск, 1958. – С. 123.
8. Рабочая мысль. – 1917. – 27 сентября. – С. 2.
9. Белорусский государственный архив (БГА). – Ф. 617. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.
10. Ленин, В. И. Кризис назрел / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 34. – М., 1977. – С. 277.